

Россию «разрежут» по-новому¹

Утвержденная в мае 2017 г. Концепция пространственного развития Российской Федерации до 2025 года предполагает разделение России (пока не административное, но функциональное) на макрорегионы, для которых будут выделены отдельные направления экономического развития и отраслевой специализации, определяющие их стратегическое место в российском и мировом распределении труда. В статье рассмотрен один из предложенных подходов к выделению макрорегионов – на основе социально-экономических критериев, приводятся экспертные мнения участников Красноярского экономического форума-2018 о проекте Стратегии пространственного развития.

Ключевые слова: региональная политика, пространственное развитие, макрорегион, Сибирь, агломерации

То, что исторически сложившаяся система расселения и размещения предприятий по территории России перестала отвечать потребностям устойчивого развития страны, давно стало притчей во языцех. Притом, что определенное территориальное неравенство, концентрация экономической деятельности и населения в некоторых ареалах характерно для всех стран и всех экономических эпох, Россия получила в наследство от СССР структуру расселения и размещения производительных сил, очень мало отвечающую принципам рыночной экономики. Ее стихийная трансформация, начавшаяся в годы реформ, едва не привела к угрожающим для страны последствиям. Но лишь в 2000-х гг. государство попыталось формализовать процесс управления территориальным развитием, приняв Концепцию социально-экономического развития РФ до 2020 г.², и законодательно обязав все федеральные округа, регионы и даже муниципальные образования разработать и принять свои документы стратегического планирования³.

В 2014 г. было принято решение и о разработке Стратегии пространственного развития страны. Работа эта еще не завершена,

---

¹ Статья написана по итогам экспертного обсуждения проекта Стратегии пространственного развития на Красноярском экономическом форуме.

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1662-р. № 17, 2008.

³ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

но ее концепция уже утверждена⁴ и широко обсуждается экспертным сообществом.

В СССР территориальные диспропорции сглаживались за счет централизованного перераспределения ресурсов. Так, если в 1990 г. разница в объемах инвестиций в основной капитал составляла 30 раз, то по уровню среднедушевых доходов населения «бедные» и «богатые» регионы различались менее чем втрое. В переходный период асимметрия многократно возросла. В 2000 г. она по ВРП на душу населения составляла 26,5 раза, по душевым показателям инвестиций в основной капитал – 180 раз, по среднедушевым доходам населения – 13,5 раза, по уровню безработицы – 21 раз [Миронова, Холина, 2011]. Лишь к концу первого десятилетия XXI в. рост региональных диспропорций удалось остановить, а к 2015 г. – даже компенсировать за счет политики выравнивания бюджетной обеспеченности регионов, увеличения зарплат в бюджетном секторе, реализации национальных проектов, прямых бюджетных инвестиций. В 2013 г. разрыв между максимальным и минимальным годовым объемом инвестиций в основной капитал составил 21 раз, асимметрия по денежным доходам населения – 5,5 раза, по уровню безработицы – восемь раз [Путинцева, 2016].

Тем не менее в стране сохраняется неблагоприятная для ее социально-экономического благополучия региональная дифференциация. В 2015 г. 10 ведущих регионов обеспечивали более 55% суммарного ВРП России, а 10 наименее развитых – всего 1%. По данным Центра экономики инфраструктуры (ЦЭИ), в последние 15 лет около 50% экономического роста страны концентрировались всего в семи регионах, тогда как около 25% населения проживают в поселениях с отрицательной динамикой качества основных социальных услуг (образование, здравоохранение, транспортное обслуживание, наличие рабочих мест).

До сих пор не удается решить проблему узкой специализации большинства регионов страны, равной доступности социальных благ и услуг, депопуляции депрессивных территорий, многие из которых являются приграничными, а значит – стратегически для геополитического положения России. Более того, рост

⁴ Концепция Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. Утв. зам. Председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Козаком 22 мая 2017 г.

зарплат в бюджетном секторе привел к росту долговой нагрузки на территориальные бюджеты: соотношение регионального долга к доходам выросло за 10 лет с 16,8 до 30%, то есть регионы чем дальше, тем больше лишаются собственных ресурсов для развития и впадают в зависимость от федерального центра.

При этом относительно низкая пространственная мобильность населения (по оценке «Центра экономики инфраструктуры»), она в два раза ниже, чем в странах ОЭСР) и сохраняющиеся инфраструктурные разрывы между территориями страны консервируют названные диспропорции.

Довольно подробный анализ Концепции пространственного развития дан Н. Н. Михеевой в предыдущем номере «ЭКО» [Михеева, 2018]. В общих чертах новая концептуальная модель региональной политики, по замыслу Минэкономразвития, должна обеспечить переход от прямых мер государственного регулирования и поддержки к стимулированию потенциала саморазвития регионов и городов, от конкуренции регионов за федеральные ресурсы к обеспечению их бюджетной самостоятельности, от точечной поддержки имиджевых проектов и стратегически важных территорий (Дальний Восток, Северный Кавказ, Республика Крым) к снижению централизации и усилению федерализма, укреплению межрегиональной и межмуниципальной кооперации⁵ [Чугуевская, 2016].

В основу же нового подхода к региональному развитию МЭР закладывает выделение крупных зон – макрорегионов. «Общий залог – повышение связности территорий в основной зоне расселения. В зоне очагового расселения, к которой относится практически вся северо-восточная часть России, надо вернуться к подходу формирования опорных центров, который был выработан в Советском Союзе на основе вахтовой и экспедиционной форм освоения этих сложных территорий», – утверждает директор Департамента стратегического и территориального планирования Минэкономразвития Елена Чугуевская [Чугуевская, 2017].

⁵ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. Проект. Министерство экономического развития РФ. Москва, 2016 [Эл. ресурс]. URL: http://карьеру-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

Как поделить?

О том, как именно предполагается «нарезать» макрорегионы, участникам Красноярского форума рассказал один из разработчиков проекта Стратегии, вице-президент «Центра экономики инфраструктуры» **Павел Чистяков**.

«Учитывая, что в новой модели пространственного развития ставятся довольно жесткие рамки – добиться к 2025 г. роста ВВП на 30%, мы видим своей задачей обеспечить опережающий рост в первую очередь наиболее масштабных экономических центров. Иначе нам просто не достичь целевых темпов, указанных в послании Президента РФ. Чтобы этот рост был достаточно устойчивым, таких центров должно быть не менее десятка. Концентрация 50% экономического роста всего в семи регионах – это довольно ненадежная конструкция, которая может очень быстро обрушиться при неблагоприятной конъюнктуре. Поэтому мы предлагаем помимо базовых центров поддерживать также центры регионального уровня – не очень крупные по масштабам, но перспективные в плане развития потенциала – небольшие города, сельскую местность, стратегически приоритетные и приграничные территории и т.п.». По замыслу ЦЭИ, если макрорегиональные центры первого уровня нуждаются в поддержке индивидуальных программ, направленных прежде всего на достижение макроэкономических эффектов, то для межрегиональных центров должны быть разработаны типовые модели господдержки, спектр которых должен соответствовать спектру проблем и задач, выявленных для разных типов таких центров.

«Вторая суперцель, которую ставит перед нами Концепция пространственного развития, – это в некотором смысле “смерть пространства” с точки зрения доступности социальных услуг, – продолжает Павел Чистяков. – Необходимо, чтобы каждый человек, независимо от того, где он родился или проживает, мог получить максимальное количество услуг в разумной территориальной доступности... Чтобы и из-за необходимости проведения сложной операции, или для получения качественного образования не нужно было ехать в Москву». Понятно, что помимо более-менее равномерного распределения качественных базовых услуг по территории страны, определяющую роль в плане их доступности играет территориальная мобильность. Особенно – на восточных и северных окраинах России. Но тема способов и стоимости

повышения такой мобильности в докладе ЦЭИ не затрагивалась. Эксперт сразу перешел к концептуальным положениям:

«Мы решили отойти от классических принципов районирования по специализации и экономическим связям и исходили из трех базовых социально-экономических принципов. Во-первых, макрорегиональные центры (крупные города или городские агломерации) должны быть значимыми точками роста в масштабах всей российской экономики, во-вторых, в границах макрорегионов должны быть обеспечены все доступные хотя бы в одном месте страны виды социальных и рыночных услуг, в-третьих, в границах макрорегионов должны быть институционализированы механизмы экономической и инфраструктурной координации.

Как это выглядело методически? Из числа крупнейших агломераций России мы выделили двенадцать наиболее развитых экономически (являющихся национальными центрами экономического роста и концентрации деловой активности) и проанализировали их, исходя из четырех критериев: а) численность населения крупнейшей агломерации; б) численность населения в зоне 3-часовой доступности на самолете и 9-часовой на автомобиле; в) мощность федеральных учреждений социальной сферы и г) концентрация пассажиропотоков (суммарный пассажиропоток на всех видах транспорта во все регионы, кроме Москвы и Санкт-Петербурга).

Границы макрорегионов определялись по принципу равноудаленности от макрорегиональных центров (отдельные субъекты Федерации должны входить в макрорегион целиком).

На следующем этапе мы выделили межрегиональные центры экономической активности, обеспечивающие диффузию экономического роста. Это порядка двух десятков агломераций, которые в соответствии с прогнозом будут вносить вклад в экономический рост выше среднероссийского. Для того, чтобы они быстрее росли и расширяли зону своего экономического влияния, их необходимо связать транспортным каркасом и обеспечить первоочередное вложение средств в человеческий капитал». В частности, на КЭФ обсуждались идеи по созданию опорной сети авиахабов, строительству новых и модернизации старых автомобильных и железнодорожных магистралей. Но, насколько можно понять, стратегическое видение нового инфраструктурно-го каркаса страны пока не сформировалось окончательно.

«Мы недавно обсуждали в министерстве планы по усилению каркаса инфраструктуры, в том числе множество предложений, поступивших от субъектов Федерации, – рассказал врио директора Департамента планирования территориального развития Минэкономразвития РФ **Алексей Елин**. – И увидели, что просто свод заявок от субъектов не приводит к решению такого важного вопроса, как кооперация, межрегиональное взаимодействие. Для того, чтобы сформировать внятный план, нужен определенный фильтр в виде пула комплексных проектов, которые будут иметь значимые эффекты для макрорегионов».

«Енисейская Сибирь» как пилотный макрорегион

В восточной части страны Центр экономики инфраструктуры выделил пять макрорегионов с центрами в Екатеринбурге (к которому тяготеют Свердловская, Челябинская, Тюменская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО), Новосибирске (Новосибирская, Томская, Омская, Кемеровская области. Алтайский край и Республика Алтай), Красноярске (Красноярский край, республики Тыва и Хакасия), Иркутске (Иркутская область, Забайкальский край и Республика Бурятия), Владивостоке (все регионы ДВФО).

Более подробно Павел Чистяков рассказал о «красноярском» макрорегионе, границы которого счастливо совпали с границами проекта «Енисейская Сибирь», инициированного главами Красноярского края, республик Хакасия и Тыва⁶. На этом примере можно оценить посылы и подходы, предлагаемые разработчиками проекта Стратегии пространственного развития.

По словам П. Чистякова, первая проработка концепции «Енисейской Сибири» как макрорегиона показала, что система экономических связей внутри него достаточно интенсивна. Красноярский край фактически выполняет функции грузового хаба для Хакасии и Тывы, система обеспечения которых довольно плотно завязана на взаимодействие внутри макрорегиона: Тыва ввозит более половины всех товаров и услуг из Хакасии (24,6%) и Красноярского края (32,4%); Хакасия ввозит 42% товаров и услуг из Красноярья. Красноярск в этой связке выполняет роль

экспортера товаров и услуг, зато активно участвует в обмене миграционными потоками с соседями (таблица 1).

Таблица 1. Доля регионов в общем количестве выбытий мигрантов, %

Регион «Енисейской Сибири»	Регион приезда		
	Красноярский край	Республика Хакасия	Республика Тыва
Красноярский край		13	1,5
Республика Хакасия	52		3
Республика Тыва	27	18	

Источник: Центр экономики инфраструктуры.

В настоящее время Красноярск и Абакан играют роль образовательных центров для всех трех регионов «Енисейской Сибири», кроме того, существует трудовая миграция. Однако эксперты ЦЭИ после опроса жителей Красноярского края зафиксировали у значительной части населения (в основном у молодых) явные миграционные настроения и усматривают в этом угрозу для целостности региона.

«Красноярский край имеет положительное сальдо миграции, но это никого не радует. Потому что эта миграция по своей структуре крайне неблагоприятна для региона, – признает директор Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета **Евгения Бухарова**. – Выезжают из края высококвалифицированные специалисты, приезжают низкоквалифицированные. Причем в последнее время молодежь стала уезжать сразу после окончания учебных заведений. Основной мотив при этом – отсутствие ясно видимых социальных лифтов. Молодые и образованные не видят для себя карьерных перспектив в родном городе».

«Главная задача по сбережению населения – управление оттоком, – полагает Павел Чистяков. – На это работают и улучшение среды проживания (создание зеленого каркаса, ликвидация транспортных пробок, например, за счет неиспользуемых промзон), и главное – повышение уровня и разнообразия сферы услуг, включая бизнес-услуги и услуги в сфере досуга. Это увеличит долю малого бизнеса, создаст новую занятость, приведет к повышению общего уровня жизни. Вообще, все три региона “Енисейской Сибири” очень недоразвиты с точки зрения услуг. Душевая добавленная стоимость платных услуг здесь в 1,5 раза

⁶ Подробнее см. статью «Енисейская Сибирь» в этом же номере «ЭКО»

ниже, чем в Новосибирской области, существенно ниже, чем в Свердловской».

Эксперты ЦЭИ оценили вклад макрорегиона в российское и мировое разделение труда. С 2004 г. по 2016 г. его доля в экономике России колебалась от 2,4 до 3,1% общенационального ВРП. Заметен макрорегион и на мировом рынке. В 2017 г. суммарный экспорт из «Енисейской Сибири» составил 8,1 млрд долл. (суммарный импорт – 1,5 млрд долл.). В основном вывозится алюминий (3,2 млрд долл., или 8% мирового рынка), медь (1,8 млрд долл., или 1% мирового рынка), минеральное топливо (1,1 млрд долл., или 0,05%) и древесина (680 млн долл., или 0,3%). За последние 12 лет сырьевая специализация заметно усилилась. По виду деятельности Добыча полезных ископаемых доля макрорегиона в общем объеме производства в РФ выросла с 1,1 до 4,9%.

К ключевым преимуществам макрорегиона эксперты ЦЭИ отнесли высокий ресурсный потенциал практически по всем видам ресурсов; наличие Красноярской агломерации; наличие достаточного количества трудовых ресурсов востребованного профиля с адекватными зарплатными ожиданиями. К ключевым ограничениям – удаленное положение относительно внешних рынков; низкую плотность населения; недостаточную инфраструктурную обеспеченность и недостаточность человеческого капитала. Некоторые показатели развития человеческого капитала представлены в таблице 2. Очевидно, что по ряду позиций регионы «Енисейской Сибири» выглядят хуже среднероссийского уровня.

На основе проведенного анализа ЦЭИ сформулировал для региона стратегические цели: а) опережающий экономический рост по сравнению с другими регионами России, б) сбережение населения и рост качества человеческого капитала и в) сбалансированное пространственное развитие внутри макрорегиона. «По мере ускорения экономического роста нужно стараться, чтобы социальное неравенство хотя бы не увеличивалось», – говорит П. Чистяков.

Первоочередные задачи, которые способствуют достижению этих целей, включают комплексное развитие всех элементов транспортной инфраструктуры макрорегиона, скоординированное развитие социальной сферы и отраслей приоритетной специализации.

Таблица 2. Некоторые показатели развития человеческого капитала в регионах «Енисейской Сибири»

Индикатор	РФ	Красноярский край	Республика Хакасия	Республика Тыва
Численность населения на 1 января 2017 г., тыс. чел.	146804	2875	538	319
Индекс развития человеческого потенциала, 2015	0,875	0,878	0,839	0,776
ВРП на душу населения, 2016, тыс. руб./чел. в год	472	616	340	165
Средняя номинальная начисленная заработная плата тыс. руб./мес.	36,7	38,4	32,5	29,8
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 2016, лет	71,9	70,0	69,3	64,2
Младенческая смертность	6,0	5,9	8,8	11,2
Суммарный коэффициент рождаемости	1,62	1,67	1,78	3,19
Средняя продолжительность обучения	12,4	12,2	12,1	11,9
Число исследователей с ученой степенью канд. и докт. наук, чел./10 тыс. жителей	7,4	3,2	2,8	2,7

Источник: ЦЭИ.

В качестве примера координации развития социальных услуг ЦЭИ привел проект развития профессионального образования, в ходе которого планы подготовки специалистов местными вузами синхронизируются на основе единой образовательной платформы, формируется специализация регионов по тем или иным программам подготовки. Например, образовательная база Хакасии и Тывы уже сегодня в избытке для себя производит специалистов среднетехнического уровня, дефицит которых наблюдается в Красноярске, очевидно, что эту специализацию стоит развивать далее.

Для управления макрорегионом ЦЭИ предлагает создать совещательный орган в виде наблюдательного совета из трех губернаторов, который бы «занимался вопросами координации инфраструктурного и социального развития, и согласования программ инфраструктурных компаний». Кроме того, нужна некая структура (может быть, внебюджетный фонд, учрежденный крупными банками), который бы обеспечил информационное сопровождение всей деятельности, осуществлял экспертизу и финансировал предпроектные разработки.

Под огнем конструктивной критики

Хотя представленная концепция выделения макрорегионов – это всего лишь проект (не исключено, что другие коллективы разработчиков выступят с альтернативными предложениями), участники КЭФ высказали в ее адрес ряд критических замечаний.

«Стратегия пространственного развития, как нам представляется, должна определять направления трансформации пространственных пропорций в разрезе макрорегионов и крупных территорий. Это не просто обозначение существующих возможностей, а прежде всего поиск тех направлений, которые обеспечивают синергию экономических связей и углубление взаимодействия экономики и социальной сферы регионов, – полагает директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН **Валерий Крюков**. – Поэтому мы должны рассматривать в первую очередь те производственно-технологические связи и возможности, которые существуют на территории по созданию цепочек создания добавленной стоимости. Природно-ресурсный потенциал Сибири на нынешнем и будущем этапе освоения требует принципиально других технологических, управленческих и организационных подходов. В частности, мы считаем, что региональный и муниципальный уровни управления городами и районами должны получить полномочия и финансовые ресурсы, достаточные для управления и стимулирования экономической активности...».

«То, что мы услышали в докладе – это просто констатация факта, без глубокого анализа причин, а предлагаемые решения приведут лишь к консервации негативных тенденций, – комментирует **Евгения Бухарова**. – Хочу обратить внимание, что все последние годы, несмотря на растущий вклад Красноярского края в экономику страны, все ключевые индикаторы экономической безопасности – бюджетные показатели, кредитная нагрузка, зависимость от трансфертов, – ухудшаются. Если в нашей стране всего десять регионов-доноров, если всего 10% муниципальных образований имеют бездефицитные или малодефицитные бюджеты, о каком развитии можно говорить? Можно сколько угодно строить розовые планы, но если мы возьмем восточные регионы – это ресурсные отрасли с существующей системой изъятия природной ренты и налогов. Да, регионы пытаются договариваться с корпорациями, и некоторым это удается. Но мы говорим о стратегии,

которая создает системные условия. В основе всего – фундаментальные принципы управления и распределения ресурсов. Если говорить о стратегическом развитии как основе безопасности российской экономики, нам эти вопросы не обойти».

«Если смотреть статистически, то чем глубже деградирует пространство вне городов, тем сильнее возрастает их роль, это очевидно, – комментирует советник директора Института Внешнеэкономбанка **Сергей Юрпалов**, – Поэтому точки роста надо искать не в городах, как таковых, а в компетенциях, отраслевых специализациях. Тогда мы получим гораздо больший эффект. Не надо создавать макрорегионы “сверху”. Они уже существуют и функционируют как территориальные системы со сложившимся внутренними связями».

«Агломерации – это один из типов территории, которые мы должны включать в план. Они должны быть точками роста. Но агломерационные условия в стране сильно различаются, – рассуждает руководитель направления Пространственное развитие Фонда стратегических разработок **Наталья Трунова**. – В Сибири большинство сателлитов и вообще малых городов, как правило, формировались под задачи массовой индустриализации, и в новых условиях им очень сложно создать специализацию, которая бы продолжала удерживать старую численность населения. При этом уровень развития высокотехнологичных производств и малого бизнеса в старых индустриальных городах гораздо ниже, чем в среднем по стране. Они неизбежно будут терять население, и нам нужно понимать, что делать с этими людьми, какие механизмы и способы поддержки для этих территорий будут адекватны. С моей точки зрения, важно выделять не просто агломерации, а межрегиональные, межмуниципальные специализации новой формации (например, для Томска, Новосибирска, Барнаула, Бийска это могут быть медицинские и биотехнологии, для Томска и Новосибирска – атомные технологии), и на них формировать концентрацию и плотность экономической активности малого бизнеса. Но нужно понимать, что это предполагает другие правила администрирования, другое качество государственного и муниципального управления, другую систему налогообложения и совершенно другую плотность коммуникаций. Мне предприниматели говорят, что для них не проблема доехать из Новосибирска до Томска за пять часов. Но как только вы начинаете считать

стоимость своего времени, это становится проблемой. Нам даже современные представления о коммуникации еще предстоит сформировать».

В целом же сложилось представление, что от проекта Стратегии пространственного развития и экспертное, и бизнес-сообщество ждет гораздо больше, чем может дать тот документ, проект которого обсуждался на форуме. В обществе сложился запрос на изменение коренных подходов и принципов управления экономическим, социальным, пространственным развитием страны. Окажется ли государство способно ответить на этот запрос, покажет время.

Э.Ш. ВЕСЕЛОВА, зам. главного редактора «ЭКО», Новосибирск

Литература

1. *Миронова М.Н., Холина В.Н.* Диспропорции регионального развития России: динамика в постсоветский период. Вестник РУДН. Серия Экономика, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disproportsii-regionalnogo-razvitiya-rossii-dinamika-v-postsovetский-period>.
2. *Мишеева Н.Н.* Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. № 5. 2018.
3. *Путинцева Н.А.* Диспропорции регионального развития современной России: анализ проблем и перспективы сглаживания // Известия Санкт-Петербургского экономического университета. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disproportsii-regionalnogo-razvitiya-sovremennoy-rossii-analiz-problem-i-perspektivy-sglazhivaniya>
4. *Чугуевская Е.С.* Стратегия пространственного развития в системе документов стратегического планирования Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: http://2016.forumstrategov.ru/upload/program/Chuguevskaya_2.1.pdf (дата обращения: 18.05.2018).
5. *Чугуевская Е.С.* Очаги, кластеры, агломерации. Стратегия пространственного развития России до 2035 года // Вольная экономика. 2017. 7 дек. URL: <http://freeeconomy.ru/intervyu/ochagi-klastery-aglomeratsii-strategiya-prostranstvennogo-razvitiya-rossii-do-2035-goda.html> (дата обращения: 19.05.2018).

Статья поступила 10.05.2018.

Summary

Veselova E. Sh., ECO journal, Novosibirsk
Russia Would be Divided in a New Way

The concept of spatial development of the Russian Federation until 2025 (approved in May 2017) proposes a partition of national territory on some macro-region's. For the new areas will be identified priorities of economic development

and industry specialization and eventually an appropriate place in the national and global division of labor. The author examines one of the proposed approaches to the allocation of macro-regions based on social-economic principles. The views of participants of the Krasnoyarsk Economic Forum 2018 are given. They criticized the proposed concept, outlined the fundamental points that need to be addressed. The discussion continues.

Regional policy; spatial development; macro-region; Siberia; agglomerations

References

- Mironova M.N., Holina V.N. (2011) Disproporcii regional'nogo razvitiya Rossii: dinamika v postsovetский period. Vestnik RUDN. Seriya EHkonomika. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/disproportsii-regionalnogo-razvitiya-rossii-dinamika-v-postsovetский-period>. (In Russ.)
- Miheeva N.N. (2018) Strategiya prostranstvennogo razvitiya: novyj ehtap ili povtorenie staryh oshibok? *ECO. [ECO]* No. 5. Pp. 158–178. (In Russ.)
- Putinceva N.A. (2016) Disproporcii regional'nogo razvitiya sovremennoj Rossii: analiz problem i perspektivy sglazhivaniya. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo ehkonomicheskogo universiteta.* (in Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/disproportsii-regionalnogo-razvitiya-sovremennoy-rossii-analiz-problem-i-perspektivy-sglazhivaniya>. (In Russ.)
- Chuguevskaya E. S. Strategiya prostranstvennogo razvitiya v sisteme dokumentov strategicheskogo planirovaniya Rossijskoj Federacii. Available at: http://2016.forumstrategov.ru/upload/program/Chuguevskaya_2.1.pdf (accessed 18.05.2018). (In Russ.)
- Chuguevskaya E. S. (2017) Ochagi, klastery, aglomeracii. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii do 2035 goda. Vol'naya ehkonomika. Available at: <http://freeeconomy.ru/intervyu/ochagi-klastery-aglomeratsii-strategiya-prostranstvennogo-razvitiya-rossii-do-2035-goda.html> (accessed: 19.05.2018). (In Russ.)